

Дома
и Т.П. Каптерева-
Шамбинаго
за границей

Издательство НОВЫЙ
ХРОНОГРАФ
2009

Арбат,
дом 4

7

9 ОТ АВТОРА

11 *Семья*

117 *Гости*

150 *Жизнь на дачах*

189 *Прогулки и зрелища*

Из дальних
странствий

235

237 ОТ АВТОРА

239 *Вокруг Европы*

269 *Куба — США*

325 *В стране пирамид*

Памяти *ушедших*

Бывая на Арбате, ставшем теперь таким чужим и неузнаваемым, я стараюсь не заглядывать в подворотню дома № 4. Между тем здесь я родилась, прожила детские и юношеские годы, здесь прошла большая часть жизни моих родителей, бабушки и дедушки с материнской стороны.

Когда-то на большом участке земли рядом с будущим рестораном «Прага» находилась гостиница «Столица». В 1897 году золотопромышленник А. Шаняевский скупил квартал доходных домов от «Праги» почти до Гоеиновского переулка и подарил его городу с тем, чтобы доходы от эксплуатации шли на создание и содержание народного Университета, поэтому дом № 4 на старых письмах указывался как «дом Шаняевского». Здания предназначались для жителей со средним достатком. Длинный двор с несколькими деревьями, разделившими дома первого и второго ряда, узкие внутренние дворы поддерживались дворниками в относительном порядке; подворотня до революции запиралась на решетчатые железные ворота. На наших глазах все пришло в негодность, обросло грязью, двор стали заполнять грузовики, которые обслуживали открытые по арбатской стороне магазины. И все же сохранялся хотя и неказистый, но обычный московский двор. Весной через открытые окна в комнаты шел теплый свежий воздух.

Сейчас подворотня напоминает низкую закопченную нору, все стало поразительно маленьким, словно сжалось в своих размерах, двор выглядит, как загроможденное ущелье между домами, а главное — исчезла атмосфера многоквартирного человеческого жилища, ощущение его как живого организма. В большинстве зданий устроены какие-то мастерские, мелкие учреждения, мертвенный люминесцентный свет сменил теплоту освещенных непритязательных московских квартир.

Моя книга посвящена семье старой московской интеллигенции, одному из очагов русской культуры, в той или иной степени уцелевшему в водовороте грандиозных событий эпохи, на разломе отечественных художественных традиций.

Нередко тех, кто впервые переступал порог арбатской квартиры, изумляло не только совместное проживание здесь С.К. Шамбинаго и С.Н. Василенко, первого и второго мужа Татьяны Алексеевны Шевалдышевой, но и связывающая всех троих тесная дружба. В этом необычном факте проявлялась человеческая правда и так необходимая людям естественность взаимоотношений.

Я росла в семье взрослых, которые были яркими индивидуальностями, своего рода «штучными фигурами», наделенными непростыми характерами. Наш дом посещали выдающиеся деятели русской культуры, искусства и науки. Многих из них я видела собственными глазами, имела о них, пусть детское, но свое мнение, особенно о тех, кто нравился или был откровенно несимпатичен. Вместе с тем взрослая эгоистическая жизнь, мне во многом непонятная, оказывала в целом влияние на восприятие всего, что меня окружало. Самостоятельные образы детской памяти, особенно тогда, когда, в силу малых лет, они становились смутными, смешивались, переплетались с навязанными оценками событий, явлений, людей. Бесконечные разговоры взрослых создавали некий информационный «фон», из которого запоминались редкие фрагменты.

В этом мире все было тесно связано между собой, одно порождало другое; тонкая нить распутывает целый клубок воспоминаний.

Многие эпизоды, детали встают в памяти, словно застывшие кадры. Цепкая детская память удивительна, я помню, как звали собак в далекие дачные годы, но подчас не могу восстановить в памяти некоторые значительные события поздних взрослых лет. Важна память запахов, особенно запахов детства: свежескошенной травы, осеннего леса, хвои новогодней елки, дыма костра, кипящего самовара, московской шоколадной фабрики бывшей «Эйнем».

Я старалась писать правду, ничего не выдумывая, избегая каких-либо приблизительных туманных представлений. Воспоминания охватывают в основном 1930-е годы, период, в котором семейные и общественные события в детской и юношеской памяти обрели со временем конкретную выразительность.

Жизнь

на дачах Дачные сезоны продолжались от весны до поздней осени. Переезд на дачу становился событием, и сборы к нему начинались задолго. Готовился и Тузик, все чаще залезавший в специально приготовленную для него корзинку.

Накапливалось огромное количество вещей, большую часть которых приходилось волочить с собой на поезде. Прибыв на станцию, нанимали подводу и долго тряслись по дорожным ухабам, потому что деревни — будущие места нашего обитания, находились, как правило, в нескольких километрах от железной дороги. Расстояния были небольшими, но путь до станции и обратно превращался в обязательный и однообразный ритуал дачной жизни, ибо в селах магазинов не существовало.

В ту пору немногие владели дачами, далеко не все могли себе это позволить; достававшиеся по наследству старые дома требовали ремонта.

У бабушки Тани и Василенко молодость прошла на лоне природы, дед Шамбинаго, городской житель, дач не признавал, он посещал нас раза два в лето и быстро старался возвратиться в Москву, чтобы «покормить поугая».

Мечта приобрести собственную дачу овладела Василенками в начале 1930-х годов, но поиски дома шли вяло, сумбурно, все по большей части ограничивалось разговорами. Поэтому дачи предпочитали снимать, иногда год за годом.

В памяти не сохранились дачи моего раннего детства — Поварово, Абрамцево, Захарово близ имения Пушкина. Иное дело — дачная жизнь в Сумине в 1927–1930-х годах, в 1931–1932 годах — в Сидоровском. Маленькая, забытая Богом дерев-

ня Сумино и более крупное село Сидоровское находились в Подмосковье, к западу от столицы, между Брянской (Киевской) и Белорусско-Балтийской (Белорусской) железными дорогами. В Сумино шли пешком от станции Апрелевка, в Сидоровское — из Голицыно.

На станции Апрелевка с левой стороны (в направлении от Москвы) в трех километрах от железнодорожного полотна и невзрачной станции, где еще в дореволюционное время были построены маленькие заводы: кирпичный и грампластинок, тянулась долина реки Десны. То, что маленькую речку со столь громким названием перекрывали плотиной, превращало ее в настоящее чудо летнего купания, увлекательного и для опытных пловцов и для детского возраста. Полноводное русло реки, текущее то среди заливных лугов, то в зарослях ив, то у подножия лесистых берегов, придавало сельскому пейзажу особое очарование. Этот благословенный край был мало известен основной массе москвичей, которых привлекали дачи на других, более модных железных дорогах. Однако издавна здесь строились старые помещичьи усадьбы, восходившие к XVIII веку. Некоторые из них изучены и описаны в книге Ю.А. Бахрушина «Воспоминания» (М., 1994).

По правую сторону от железной дороги и станции Апрелевка природа выглядела прозаично и буднично: плоская глинистая земля, перелески с вечно грязной выбитой телегами дорогой. По пути встречались две деревни. Одна называлась Сенники, другая — Момыри. Необычное для русского уха название объяснялось тем, что в начале XIX века некая помещица, приобретя и отстроив эту деревню, подарила ее своему мужу под названием «А mon mari».

О том, что и в этой местности возводились усадьбы, свидетельствовало наше уникальное Сумино. На окраине живописной деревни стоял нетронутый деревянный одноэтажный дом XIX века скромной и приветливой архитектуры. На его фасадной части находилось крыльцо — главный вход, который вел в уютные сени с небольшой лестницей. Крыльцо — как бы лицо здания — выходило на огромную зеленую лужайку, словно отведенное природой пространство для вся-

ких событий, игр и зрелищ. Тесный сад с заросшими клумбами замыкал другой фасад дачи с простой террасой. Внутри дом состоял из шести просторных комнат, кухни и маленьких закоулков. Большие окна закрывались снаружи скрипящими деревянными ставнями. Особенно хороша была угловая комната-гостиная, в ней стояла мебель красного дерева середины

Сумино.

*Дворовый фасад
дома*

XIX века — прекрасный диван и кресла, а также удобная качалка и высокое трюмо в резной деревянной раме грубой работы (все эти предметы по маминой инициативе через некоторое время были приобретены и вывезены в Москву).

В 1950-е годы в одном из номеров журнала «Огонек» был опубликован пейзаж И.И. Левитана, на котором сразу же угадывался столь знакомый въезд в Суминскую усадьбу, часть забора и входного крыльца дома. Несомненно, что художник должен был бывать — и не раз — в столь прекрасном месте. Старинный дом, липовый парк и окружающая природа сливались здесь в редком поэтическом единстве.

В хозяйственной части участка в добротном прочном доме жил с женой и пасынком Яков Иванович Кулаков, которого у нас по старинке называли управляющим, но какова была его официальная должность в это, уже советское время, я не знаю. Во всяком случае, деятельный и скромный Яков Иванович ока-

зался здесь рачительным хозяином. Он следил за состоянием дома и парка, имел собственный небольшой участок земли, его серый в яблоках конь Кобчик был к услугам дачников, а веселый лохматый Пыжик разделял их компанию.

Четыре лета, проведенных в Сумине, помню летами счастья. Все было проникнуто здесь уютом, тишиной, покоем. Природа вокруг деревни и усадьбы представляла собой осо-

И.И. Левитан.

Солнечный день. 1898.

(Государственная
Картинная галерея
Армении. Ереван)

бий, словно затерянный, замкнутый мир красоты. Заросший, но все же ухоженный парк с аллеями из вековых лип окружал, по старинному обычаю, неглубокий ров, обозначавший границы владения, за которыми открывались благоухающее травмами поле и обширный нетронутый лес. Одна из коротких тропинок вела к старому дубу с пышной кроной, одиноко стоявшему в поле. Другая достопримечательность — квадратный пруд, который, окруженный легкими, словно кружевными ивами, находился на лесной опушке. Он выглядел так неожиданно и так экзотично, что вдохновил Василенко написать для оркестра музыкальный этюд «Китайский прудик». Суминские леса с их полянками, березовыми рощицами, душистым ельником, маленькими болотцами, где росли дикие синие ирисы и сочные, похожие на прозрачные свечи, лесные фиалки с их колдовским запахом, были царством ягод и грибов.

В Сумине жилось так хорошо и вольно, что сюда приезжали и подолгу гостили родственники и знакомые, многие из тех, кто приходил к нам на арбатскую квартиру. Отсутствие комфорта никого не смущало; ведь все мое детство на дачах прошло при свечах и керосиновых лампах, при самых элемен-

*Сумино.
Бабушка Татьяна
Алексеевна, мама,
Таня и Тузик.
1930*

тарных санитарных удобствах и скромной пище, в которой преобладали каши; молоко, яйца, овощи, цыплят покупали у крестьян. Самое любимое лакомство дачного детства — глубокая тарелка лесной земляники с сахаром и молоком и, конечно, грибы во всех видах, особенно жаренные на примусах и керосинках огромные сковороды опят, белых и рыжиков.

На станцию старались ходить как можно реже. То ли лета были дождливые, то ли глинистые дороги не успевали про-